

Е Мянъ усмехнулся:

— Еще не поздно передумать.

— Что ты сказал?

— Я говорю, — Е Мянъ поднял взгляд на отца и небрежно добавил: — Еще не поздно передумать.

Е Мянъ крепко сжал губы, его глаза горели решимостью. Заместитель министра Е невольно промолчал, а Е Мянъ продолжил:

— Ваш сын непочтителен. Чтобы впредь не позорить отца и не обременять брата, я прошу вас сегодня же ночью написать старейшинам клана и вычеркнуть мое имя из родословной. Я уйду в простой одежде, не взяв из поместья Е ни единой нитки. Отныне моя жизнь, смерть, болезни и женитьба больше не будут вас заботить. Моя слава или позор не будут иметь к поместью Е ни малейшего отношения!

Е Мянъ выговорил все четко, но заместитель министра Е долго не мог прийти в себя от изумления. Наконец лицо его исказилось от гнева, а ярость захлестнула разум:

— Ах ты, отродье! Ты... ты...

Заместитель министра Е дрожал всем телом и, указывая на сына пальцем, не мог вымолвить ни слова. Е Мянъ же смотрел на него совершенно спокойно. Что в прошлой жизни, что в этой отношения с «отцом» у него упорно не складывались. Если разойтись пораньше, обоим станет легче. В худшем случае он пойдет просить милостыню на улицу, а если затянуть, его, чего доброго, опять к чертям собьет машина!

— Ты... — заместитель министра Е едва не задохнулся от ярости. Он тыкал пальцем в стоявшего на коленях Е Мянъ и долго не мог перевести дух. Наконец он справился с приступом, огляделся по сторонам, схватил с письменного стола латунную линейку, шагнул вперед и принялся нещадно колотить сына куда попало.

— Я сегодня же забью тебя до смерти, паршивец! И не придется возиться с исключением из клана!

На этот раз заместитель министра Е бил изо всех сил. Но Е Мянъ не стал, как прежде, уворачиваться и убегать. Он лишь закрыл голову руками. От дикой боли в глазах темнело, лицо перекошило, слезы градом катились из глаз, но он все равно отчаянно кричал:

— Бейте! Забейте до смерти, и мы квиты! А если не забьете, пишите бумагу об отречении!

Два слуги, подглядывавшие в щель двери, перепугались до судорог в ногах еще тогда, когда Е Мянъ заговорил об отречении от отца. Один из них со всех ног бросился за старой госпожой и госпожой Е. Вторым у двери оставался Фэнцзинь. Видя, что дело доходит до смертоубийства, он забыл о своем положении, распахнул дверь, ворвался внутрь и закрыл Е Мянъ собой.

Заместитель министра Е наотмашь пнул его ногой. Фэнцзинь был еще мал, разве мог он выдержать такой сильный удар? Он отлетел на несколько метров и распластался на полу, ударившись головой так, что больше не смог подняться.

— Ты кто такой, чтобы сметь соваться в мой кабинет?! Четвертый молодой господин стал таким

мерзавцем только из-за ваших подстрекательств! Вот разберусь с ним и с вас шкуру спущу!

Увидев, что мальчишка сильно ударился головой и лежит без движения, Е Мянью испугался. Охваченный гневом и тревогой, он закричал:

— Не умеешь воспитывать собственного сына, так валишь вину на десятилетнего ребенка?! Что за идиотская логика? Ты свою должность в Министерстве финансов купил, что ли?!

Заместитель министра Е окончательно потерял рассудок от такой дерзости и снова занес линейку для удара.

В тот момент, когда Е Мянью от невыносимой боли уже почти терял сознание, думая, что настал его конец, во дворе раздался женский плач и крики.

— Е Хэн, остановись! Если убьешь моего сына, я сживу тебя со свету!

Забыв о приличиях, госпожа Е вбежала в комнату. За ней, шумя и переговариваясь, следовала целая вереница служанок и нянек.

Руки и шея Е Мянью уже покрылись сплошными синяками. Лицо он успел прикрыть, так что удар пришелся лишь дважды по левой щеке, которая теперь сильно распухла. Губы он кусал до крови, спасаясь от невыносимой боли. Выглядел он ужасающе.

Увидев лицо поднявшего голову Е Мянью, госпожа Е тут же лишилась чувств. Служанки в панике разрыдались, а опытные няньки принялись приводить ее в себя: кто растирал ей виски, кто брызгал на лицо остывшим чаем.

Пока в кабинете заместителя министра Е царил этот хаос, под руки со служанками приковывалась старая госпожа Е. Взглянув на Е Мянью, она разрыдалась и, позабыв о приличиях и о том, что негоже отчитывать сына при слугах, замахнулась своей сандаловой тростью с резным оленьим набалдашником и принялась колотить заместителя министра Е.

Заместитель министра Е и сам раскаялся, когда увидел, в каком состоянии лицо сына, и его гнев немного поутих. Теперь, когда его била старая госпожа, он даже не смел уворачиваться. С виноватым и жалким видом он лишь повторял:

— Матушка, не гневайтесь так, поберегите здоровье.

— Не называй меня матерью, нет у меня такого сына! Даже тигр не пожирает своих детенышей, а я родила такое чудовище! Неудивительно, что Мянью-гэ хочет уйти от тебя! Я тоже уйду, чтобы тебе жилось спокойнее!

Договорив, старая госпожа Е горько разрыдалась. Заместителю министра Е от ее слов стало еще тяжелее на душе.

В этот момент госпожа Цю пришла в себя. Е Мянью, массируя ей точку между большим и указательным пальцами, с тревогой всматривался в ее лицо. Очнувшись и увидев изувеченное лицо сына, госпожа Е снова зарыдала. Бедному Е Мянью с его распухшим лицом пришлось разрываться: с одной стороны — утешать безутешную мать, с другой — успокаивать рассерженную бабушку, которая в сердцах колотила себя в грудь.

Служанки в комнате суетились и плакали, а во дворе на коленях стояли наложницы, незаконнорожденные сыновья и дочери, а также именитые слуги поместья.

У Е Мянэ невыносимо раскалывалась голова, в ушах стоял непрекращающийся гул. Измученный голодом и болью, он попытался подняться еще раз, но в глазах у него потемнело, и он лишился чувств.

Мир наконец погрузился в тишину.

Во сне Е Мянэ снова увидел семью из своей прошлой жизни. Мать и брат, обняв его изувеченное в аварии тело, безутешно рыдали в больничном морге. Отец сидел на полу, закрыв лицо руками, а сквозь пальцы текли слезы.

«Эх, опять плачут. Почему все вокруг меня такие плаксы?» — подумал Е Мянэ. Глядя на то, как убиваются родители и брат, он и сам загрустил.

Его полупрозрачная рука нежно коснулась их лиц, а затем он с тоской погладил брата по волосам. Почему они так посидели? Ведь еще пару дней назад все было хорошо.

Не в силах больше сдерживаться, Е Мянэ тоже горько заплакал.

— Сынок мой!

— Четвертый молодой господин!

Пролежавший в лихорадке под парчовым одеялом сутки напролет Е Мянэ вдруг жалобно, словно младенец, заплакал во сне, но разбудить его никак не удавалось.

Госпожа Е не на шутку перепугалась и велела служанкам немедленно позвать лекаря, ожидавшего в приемной.

Лекарь прощупал пульс Е Мянэ, затем приподнял его веки и нахмурился, погрузившись в раздумья. Зашедший следом заместитель министра Е испугался не на шутку и поспешно спросил:

— С моим сыном что-то не так?

— Позвольте мне поставить ему иглы, заместитель министра Е, и тогда посмотрим.

Ученик лекаря достал свернутый кусок оленьей кожи, утыканный серебряными иглами разной длины и толщины.

Лекарь ввел иглы в несколько акупунктурных точек на теле Е Мянэ, и тот постепенно перестал плакать.

Но в себя так и не пришел.

К этому времени подросла и старая госпожа Е. Лекарь вынул иглы и, качая головой, обратился к присутствующим:

— Молодой господин, должно быть, бредит во сне. В обычное время это не страшно, но сейчас у четвертого молодого господин сильный жар. Если он вскоре не придет в себя, это повредит его разум. И если болезнь укоренится, вылечить его уже не удастся.

Госпожа Е в ужасе прикрыла рот руками:

— Бедный мой Мянэ-эр!

— Лекарь Цю, — дрожащим голосом взмолилась старая госпожа Е, — мой внук с малых лет рос очень смышленным мальчиком. Нельзя допустить, чтобы он в таком возрасте лишился рассудка.

Заместитель министра Е тоже занервничал:

— Лекарь Цю, какие бы редкие и дорогие лекарства ни понадобились, только скажите, мы все добудем! Пожалуйста, сделайте все возможное.

Лекарь Цю на мгновение задумался, а затем вздохнул:

— Не подобает мне, лекарю, вести такие разговоры, но мне искренне жаль мальчика, поэтому я позволю себе сказать то, чего говорить не следовало бы.

— Пожалуйста, говорите, лекарь Цю, — заместитель министра Е почтительно поклонился, сложив руки.

Лекарь Цю поспешил ответить поклоном:

— Похоже, четвертого молодого господина что-то держит в его сне. Он либо не хочет возвращаться, либо не может...

Лекарь Цю не договорил, но члены клана Е и без слов все поняли.

На следующий день, еще до рассвета, Цзян Наньчу спешно вернулась в поместье маркиза Юнъань. Едва переступив порог, она тут же потащила старого маркиза, мирно почивавшего на заслуженном отдыхе, на гору Бэйпин. Там у живущего в уединении даоса Линцюаня они выпросили несколько защитных талисманов и мешочек с пятью видами злаков на счастье.

Три дня спустя.

Вэй Анъюань и Ли Чжао, скинув сапоги, гурьбой запрыгнули на кровать, а Вэй Анъюань и вовсе без спросу забрался под теплое одеяло Е Мяня.

— А ведь хорошая взбучка вышла! В школу ходить не надо, лежишь себе средь бела дня в тепле и неге.

Е Мянь скосил на него глаза и фыркнул:

— Хочешь, я тебя тоже отделаю, чтобы мы валялись тут вместе?

Вэй Анъюань хмыкнул и шутливо потянулся руками к его талии, собираясь пощекотать.

— Эй, не лезь! — Е Мянь вздрогнул от холодных пальцев и подскочил на постели. — У меня вся спина в ранах!

— И на спине тоже? Ну-ка покажи! — Ли Чжао подполз с краю кровати, откинул одеяло и приподнял его ночную рубаху.

Вэй и Ли разом охнули:

— Заместитель министра Е совсем озверел. Из-за какого-то пустяка так жестоко избить?